УДК 343.97

РОЛЬ ЖЕРТВЫ В ГЕНЕЗИСЕ ИЗНАСИЛОВАНИЙ: ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ УЯЗВИМОСТИ

А. Э. ШИРНЕВИЧ
(Представлено: О. В. Катушонок)

В статье систематизированы виктимологические критерии уязвимости жертв изнасилований, а также проанализированы поведенческие модели потерпевших и специфика насилия в близких отношениях. Обосновывается необходимость трехуровневой профилактики, включающей в себя правовое воспитание, превентивный надзор и реабилитацию пострадавших через деятельность кризисных комнат

Обеспечение половой свободы личности выступает приоритетной задачей правового государства, требующей постоянной модернизации превентивных институтов. Традиционный подход, сфокусированный исключительно на личности правонарушителя, сегодня признается недостаточным, поскольку он игнорирует многоаспектность предкриминальной ситуации. Для построения эффективной системы противодействия необходим междисциплинарный синтез криминологического и виктимологического анализа, позволяющий всесторонне воздействовать на все элементы механизма преступного поведения: от латентных девиаций нападающего до поведенческих факторов пострадавшей стороны. Сексуальная преступность во многом детерминируется комплексом социальных аспектов, включающих специфические условия социализации личности, характер межличностных коммуникаций и степень защищенности микросреды. Ситуация осложняется тем, что значительная часть данных посягательств остается латентной из-за нежелания женщин разглашать факты насилия, что существенно ограничивает доступ органов внутренних дел к информации о реальной оперативной обстановке. Такое сокрытие часто обусловлено страхом мести, намерением защитить близкого человека или деструктивным давлением социума, транслирующим феномен вторичной виктимизации. В рамках концепции «справедливого мира» Мелвина Лернера общественное сознание стремится сохранить иллюзию предсказуемости жизни, из-за чего необоснованно возлагает вину на саму пострадавшую сторону, интерпретируя ее образ жизни или доверчивость как катализатор чужой сексуальной агрессии [1, с. 111].

Для понимания роли потерпевшего в генезисе посягательства ключевое значение имеет классификация моделей его поведения. Выбор жертвы обусловлен не столько стечением обстоятельств, сколько ее конкретными характеристиками, кругом общения или уязвимостями, которые преступник знает или интуитивно считывает в процессе контакта. Статистика доказывает, что большинство изнасилований совершается лицами из ближнего окружения, что исключает хаотичность поиска. В момент посягательства поведенческие реакции способны видоизменять развитие ситуации: пассивность может облегчить переход к насилию, в то время как адекватное сопротивление выступает основным индикатором несогласия на половой акт. Под влиянием физического превосходства или шока женщина может прекратить активные физические действия, но продолжать моральное сопротивление, стремясь разжалобить или обмануть нападающего [2, с. 36–38]. Наиболее разработана в доктрине типология Д. В. Ривмана [3], выделяющая агрессивных, активных, инициативных, пассивных, некритичных и нейтральных жертв. Данную схему расширяет теоретический подход Г. И. Чечеля [4], дифференцирующий невиновную активную и пассивную жертву от лиц, чьи действия в предкриминальный период носили характер неодобряемого, неосмотрительного, аморального, провоцирующего или даже преступного поведения. В свою очередь, Р. Л. Ахмедшин и Н. В. Ахмедшина увязывают формы виктимности с внутренними дефектами личности, определяя дезадаптацию как следствие детских психотравм, анадаптацию как отсутствие сценариев отпора, легкомыслие как переоценку сил и агрессию как прямую провокацию. При этом тезис о «случайности» выбора объекта посягательства на начальном этапе криминального события представляется дискуссионным [5, с. 32].

Глубокое криминологическое исследование личности пострадавших позволяет выделить пять ключевых критериев уязвимости: социально-демографический, социально-профессиональный, правовой, нравственно-психологический и медицинский. Социально-демографический и профессиональный срезы показывают, что в группу повышенного риска входят лица в возрасте от шестнадцати до двадцати трех лет, не имеющие стабильного дохода и воспитанные в неблагополучных семьях, где отсутствие эмоционального тепла и родительская жестокость формируют отчуждение, замкнутость и привычку к подчинению. Дети, выросшие в условиях тотального подавления воли, во взрослом возрасте оказываются психологически неспособны сказать «нет» даже при минимальном давлении, уступая нападающему ради кажущейся безопасности. Правовой дефект личности выражается в правовом инфантилизме или нигилизме,

когда пострадавшие демонстрируют низкий уровень правосознания и равнодушие к механизмам защиты своих прав. Нравственно-психологический критерий фиксирует уязвимость лиц, обладающих повышенной внушаемостью, простодушием и легкомыслием при заведении рискованных знакомств. Психологические особенности таких пострадавших часто пересекаются с чертами безвольного типа правонарушителей из-за подсознательной пассивности перед сильным оппонентом. Возникающий панический страх запускает механизм тоновой неподвижности, полностью парализуя физические силы жертвы, что выступает отправной точкой для формирования сексуальной мотивации агрессора, получающего деструктивное удовлетворение именно от чужого ужаса. Наличие заниженной самооценки, склонности к депрессиям, а также врожденного стремления к покорности или мазохистических расстройств сексуального предпочтения максимально повышают индивидуальную виктимность. Медицинский аспект указывает на распространенность дефектов психического развития и состояний опьянения в момент происшествия, резко снижающих волевой самоконтроль и критичность восприятия угрозы [6, с. 30–37]. В специальной литературе данные лица разделяются на здоровых, имеющих психические заболевания и страдающих сексуальными расстройствами (парафилиями), причем последние часто становятся жертвами специфической зависимости – родственной, супружеской, материальной или социальной [7, с. 22–24].

Специфической и наименее защищенной формой проявления деструктивного воздействия выступает насилие в интимно-личностных отношениях, имеющее все признаки юридически значимой ситуации. Подобное конфликтное взаимодействие локализовано в определенном пространстве и времени, носит повторяющийся, цикличный характер и влечет тяжелые психологические последствия для партнеров и их детей. Главным отличием преступлений в интимно-личностных отношениях является их скрытый, многолетний характер, высокий уровень криминального рецидива среди нападающих, а также иные цели обвиняемых, стремящихся к тотальному контролю, а не к сексуальному удовлетворению. В ситуации партнерского насилия выделяются четыре основных типа поведения пострадавшей стороны: пассивно-подчиняемый (беспрекословное терпение и аффективная растерянность), псевдо-провоцирующий (активное участие в эскалации бытового конфликта), непоследовательный и псевдо-защитный тип, основанный на циклической инверсии ролей агрессора и жертвы внутри пары. Возможность оказывать сопротивление в интимно-личностных отношениях определяется как реальная способность лица эффективно преодолевать принуждение со стороны партнера, действуя целенаправленно, с сохранением самоконтроля и адекватным прогнозом возможных последствий посягательства [8, с. 253–259]. Наличие у правоохранительных органов информации о лицах, склонных к бытовой агрессии, и лицах с повышенной уязвимостью выступает ключевым условием эффективной превенции половых преступлений.

Предупреждение изнасилований в Республике Беларусь требует построения трёхуровневой системы мер, гармонично сочетающей жесткое криминологическое воздействие на личность потенциального преступника на предконфликтной стадии и масштабную виктимологическую работу с населением.

Общесоциальный уровень профилактики должен быть ориентирован на минимизацию системных негативных факторов, повышение уровня правового и нравственного сознания граждан, а также на внедрение обязательного полового воспитания в учебных заведениях для искоренения половой распущенности подростков.

Специально-криминологический уровень включает меры, реализуемые в рамках национального законодательства субъектами профилактики: совершенствование и ужесточение превентивного надзора со стороны органов внутренних дел за лицами, имеющими криминальный рецидив, своевременное выявление сигналов бытового насилия участковыми инспекторами милиции, обеспечение личной безопасности в криминогенных местах и мониторинг социальных сетей для пресечения киберсталкинга.

Индивидуально-виктимологический уровень превенции должен обеспечивать непосредственное снижение уязвимости граждан и реабилитацию лиц, переживших насилие. Для полноценной социальной адаптации пострадавших необходимо развивать взаимодействие государственных органов социальной защиты с кризисными службами, расширять сеть круглосуточных телефонов доверия и интернет-каналов экстренной помощи. Базовым элементом реабилитации в Республике Беларусь должно стать совершенствование деятельности кризисных комнат на базе Территориальных центров социального обслуживания населения (ТЦСОН), где пострадавшим гарантируется оперативная изоляция от агрессора, безопасная благополучная среда и комплексная медицинская, юридическая и психологическая поддержка. Только скоординированное межведомственное взаимодействие органов внутренних дел, учреждений образования и органов социальной защиты способно преодолеть проблему высокой латентности половых преступлений, снизить уровень виктимности граждан и гарантировать надежную защиту половой свободы личности в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаркова, А. А. Виктимологический портрет жертв преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности / А. А. Агаркова, С. С. Медведев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 6-2. – С. 110–112.
2. Валевач, А. С. Виктимологический анализ жертвы изнасилования / А. С. Валевач, А. П. Овсянкина // Публичные и частные начала правового регулирования в современном социальном государстве : сб. материалов междунар. студенч. науч.-практ. конф., Минск, 7 дек. 2023 г. / МО Респ. Беларусь, БГЭУ ; редкол.: О. В. Бодакова [и др.]. – Минск : БГЭУ, 2024. – С. 36–38.
3. Ривман, Д. В. Криминальная виктимология / Д. В. Ривман. – СПб. : Питер, 2002. – 304 с.
4. Чечель, Г. И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями против личности : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Чечель Геннадий Иванович ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1995. – 38 с.
5. Ахмедшин, Р. Л. Виктимологическая профилактика серийных преступлений / Р. Л. Ахмедшин, Н. В. Ахмедшина // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 35. – С. 29–42.
6. Семерикова, А. А. Криминологический анализ жертвы сексуального насилия / А. А. Семерикова // Юридические исследования. – 2018. – № 7. – С. 28–41.
7. Бычков, В. В. Виктимологическая составляющая сексуального насилия / В. В. Бычков // Виктимология. – 2017. – № 4 (14). – С. 22–28.
8. Сабитова, И. С. Способность жертвы насилия в интимно-личностных отношениях понимать характер и значение совершаемых с ней действий и оказывать сопротивление / И. С. Сабитова // Российский девиантологический журнал. – 2024. – Т. 4, № 2. – С. 250–261.